

Пиковая дама XXI века

Известие. - 2002. -
1 апр. - с. 8

Елена Образцова
в Малом зале консерватории

Утопая в цветах и овациях, Елена Образцова пела в Малом зале консерватории на французском языке. Первое отделение состояло из Листа, Форе, Дебюсси и Пуленка. Второе — из Массне, Шоссона, Дюпарка и Рейнальдо Ана. Было и третье — бисы: Оффенбах, Курт Вайль, Эрик Сати. Ближе к концу программы на сцену вышел Роман Виктюк и швырнул к ногам примадонны роскошный букет алых роз. Та подняла его и отнесла к стоявшему на сцене портрету Марии Максаковой — столетию которой и был посвящен концерт.

Екатерина БИРЮКОВА

Выступления Образцовой — всегда явления из разряда надмузыкальных. Но здесь певица превзошла саму себя. Каждый жест был полон символического значения, каждый поворот головы, каждая многозначительная улыбка, пущенная в зал, — словно вышли из истории и тут же готовы были в нее вернуться. Певица, прикрывшись французской программой, на самом деле — неспешно, со знанием дела, без суеты — разыгрывала ритуал под названием «концерт примадонны». Возлагая цветы, отбивая земной поклон и посылая воздушный поцелуй фотографии Максаковой, Образцова, без сомнения, ощущала себя преемницей великой певицы и великой традиции, с нею связанной.

Двух певиц нелепо сравнивать. Быть примадонной в двадцать первом веке — совсем не то же самое, что в первой половине двадцатого. Сейчас это почти невозможно и, как правило, заканчивается карикатурой (посмотрите на Казарновскую). Но Образцова несет свою ношу с редким достоинством и чувством стиля. Ноша эта, безусловно, очень тяжела, если не трагична. Чем веселее становилась ее программа, тем грустнее было на душе — слушаешь образцовского Оффенбаха, а чувство как от Пятой симфонии Малера в «Смерти в Венеции» Висконти: на тво-

их глазах красиво отцветает целая эпоха.

Конечно, чтобы оставаться примадонной, Образцовой приходится все утрировать. Черные длинные перчатки, поверх которых блестит огромный перстень, кричащее опереточное боа, бесменный Важа Чачава за роялем, подчеркивающий своей смешной внешностью неувядающую породистую красоту дивы, — все это такие же важные атрибуты, как ее фирменный животный рык в нижнем регистре (давно запрещенный общемировыми правилами хорошего тона) и до наглости неточное интонирование, от которого в конце концов приходишь в восхищение.

Образцова в общем-то не поет, а рассказывает — просто голос у нее такой. То бормоча что-то себе под нос, то взрываясь бурей недорастраченных эмоций, она рассказывает о чем-то прекрасном, непонятном и невозвратно ушедшем. Ее оперный прототип — Пиковая дама Чайковского, которая с такой же точно ностальгией поет о восемнадцатом столетии и о тех временах, когда ее называли «венерой московской». И в этом смысле французскость программы (которая конечно же очень русская французскость, со всем грузом отечественных мифов о сказочном Париже) — необыкновенно удачное попадание в имидж. Единственное, чего программе не хватает, так это песенки старой графини из «Пиковой дамы». Очень была бы по делу.